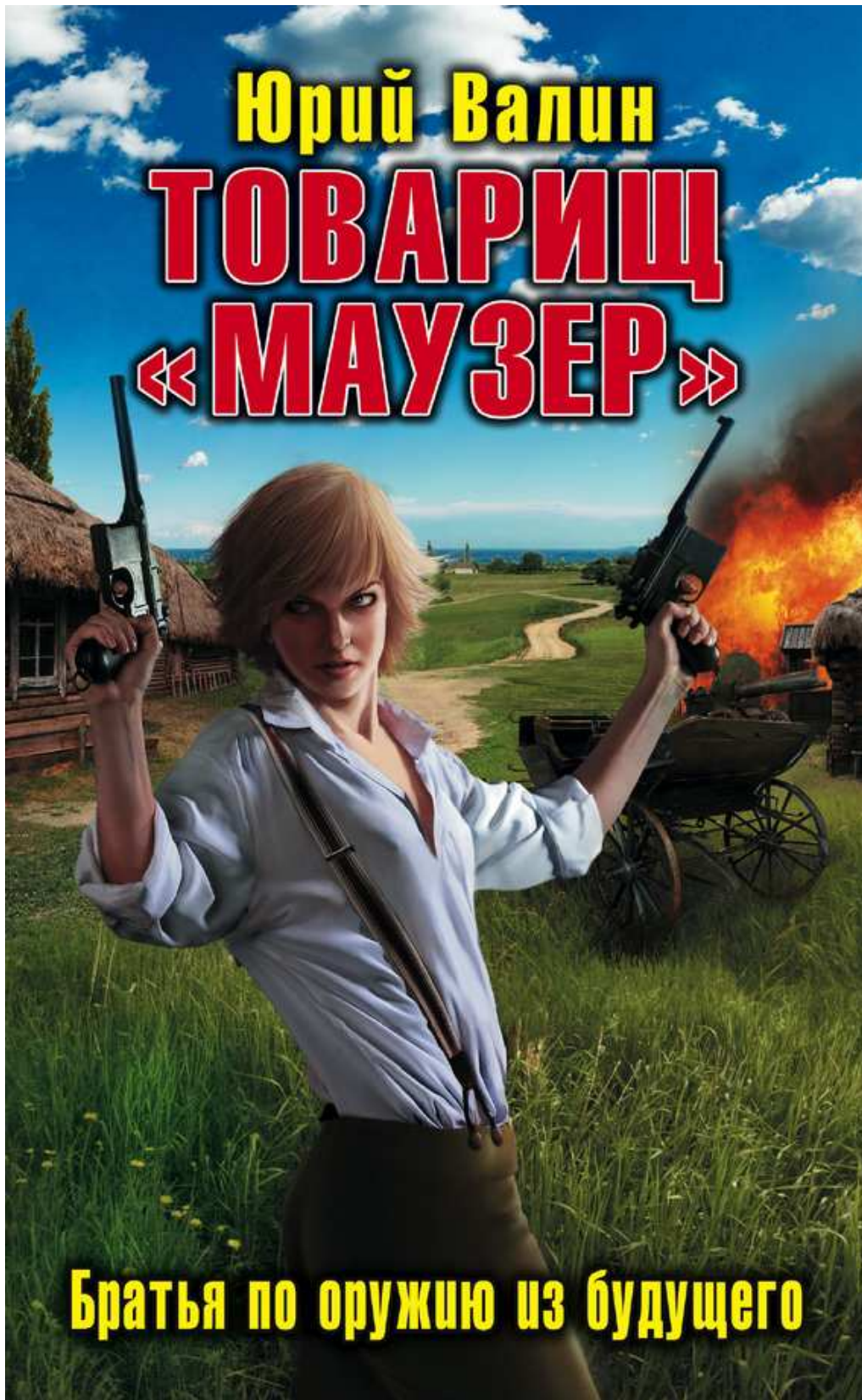

Юрий Валин
ТОВАРИЩ
«МАУЗЕР»

Братья по оружию из будущего

Юрий Валин
**Товарищ «Маузер». Братья
по оружию из будущего**
Серия «Выйти из боя», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3086195

Валин Ю. Товарищ «Маузер». Братья по оружию из будущего: Яуза, Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-54258-1

Аннотация

Новый фантастический боевик от автора бестселлеров «Самый младший лейтенант», «Самый старший лейтенант» и «Выйти из боя!». Новый разведрейд корректировщиков истории – теперь уже не на Великую Отечественную, а на Гражданскую войну. Однако операция в «кальке» 1919 года выходит из-под контроля – на разведгруппу из будущего охотятся и петлюровцы, и белые, и красные, и неизвестная спецслужба XXI века. Против «попаданцев» – инерция истории и беспощадные законы Вечности. На их стороне – лишь братья по оружию, скорострельный «господин Льюис» и верный «товарищ Маузер».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юрий Валин

Товарищ «Маузер». Братья по оружию из будущего

*Автор благодарит:
Сергея Звездина – за техническую помощь;
Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах»;
Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и
советы.*

Посвящается безвременно покинувшему нас городу «Х»

*Автор убедительно просит считать все совпадения личных имен
и географических названий не более чем совпадениями.*

Глава 1

*Бог не играет в кости.
А. Эйнштейн*

*Гаву! Вауууу! Вауууу!
Цуцик. Из размышлений о несовершенстве мироздания*

Апельсин попался вкусный, сочный. Есть его на ходу было неудобно, – вторая рука была занята пакетом с продуктами. Катя отрывала дольки зубами и слизывала с пальцев сладкий сок. Нет, нужно бытовые условия налаживать. В служебную столовую вечно опаздываешь, а дома из всех достижений бытовой техники имеется один электрочайник, да и у того выключатель намертво скотчем зафиксирован. Газовую плиту зажигать рискованно, – травит, гадина, запах такой, что спичкой чиркнуть боишься. Квартиру другую снять, что ли? Жалко, привыкла к берлоге, да и к службе близко. Двадцать минут пешочком по московским меркам просто счастье. Служить-то всего два с половиной месяца осталось. Обойдемся и витаминами.

Катя сплюнула за парাপет косточку. Шедшая навстречу пожилая дама посмотрела с осуждением. Возвращающаяся из парка парочка тоже оглянулась, девица пригородного вида, повисшая на руке кавалера, зыркнула с возмущением, – понаехали здесь разные, апельсины чавкают, как у себя в Испании. Спутник суровой барышни глянул с иным чувством, – смотреть на Катю мужчины вообще чрезвычайно любили.

Посмотреть на Екатерину Георгиевну Мезину действительно было приятно. Красивая девушка. Безо всяких оговорок, красивая и яркая. Рост – сто восемьдесят. Светлые, цвета выгоревшей соломы, волосы. Фигура хороша, скорее не подиумно-модельная, а спортивная. Темно-синие джинсы подчеркивали длину ног. Короткий черный топ не скрывал и иных достоинств. Но главным украшением любительницы апельсинов были изумительные зеленые глаза. Таким очам принято присваивать банальный эпитет «изумрудные» – ничего не поделаешь, действительно сияют как драгоценные камни. Яркую внешность Кати слегка смягчало вопиющее отсутствие косметики. Девушка явно пренебрегала мнением окружающих. Обута в поношенные черные «найки», единственный девичий аксессуар – мобильный телефон – выглядывает из кармана джинсов.

Девушка была яркой, но еще ярче сиял летний полдень. Заканчивался август. По обе стороны Крымского моста сверкала бесконечная, еще полупустая летняя Москва. Торчали стрелы строительных кранов над «золотой милей» Остоженки, лоснился необъятный купол главного храма страны. Зелень Нескучного сада казалась непроходимой чащобой. Ближе, у моста, громоздились неопрятные конструкции парковых аттракционов. Катя неодобрительно покосилась и в другую сторону, на усатого гиганта-легионера, балансирующего на углу ботике. В тени царя-римлянина робко притаилось крошечное здание императорского яхт-клуба. Старый, «допетровский», вид на Стрелку нравился Кате с самого детства. Ну, где то детство? Где та Катька?

Несмотря на редкие, по нынешним временам, прибывшие из-за океана классические джинсы и иноземную привычку лопать апельсины на улице, Екатерина Мезина являлась коренной москвичкой и свое детство провела в Замоскворечье. В последнее время урожденная москвичка многовато путешествовала и теперь затруднилась бы ответить, где, собственно, остался ее истинный дом. С мамой гражданка Мезина отношения давно не поддерживала, отец умер, бывшие одноклассники и однокурсники (Катя успела окончить первый курс педагогического института, о чем и сама сейчас вспоминала с искренним изумлением) вряд ли узнали бы молчаливую однокашницу. Пришлось девочке поплутать по миру. Довелось даже скоропалительно выйти замуж и почти так же мгновенно овдоветь. Поучилась Катя и на археологическом факультете одного весьма приличного заокеанского университета, до этого небезуспешно осваивала нелегкую профессию специалиста по адаптации, состояла помощником-советником при весьма высокопоставленной особе королевской крови. Все эти жизненные перипетии привели к одному неоднозначному результату – научилась девушка убивать. Профессиональным бойцом стала Екатерина Мезина и в настоящее время занимала штатную должность прапорщика-специалиста отдела «К» управления ГлРУ Министерства обороны РФ. Правда, в связи с урезанным сроком контрактной службы, звания прапорщика девушка не удостоилась. Всего лишь старший сержант, да и то «старшего» Катя получила всего лишь месяц назад. Впрочем, для полугодового контракта рост по службе ощутимый. Через два месяца Катерина твердо намеревалась со службой заканчивать. По личным семейным обстоятельствам. Впрочем, начальство о сем намерении было уведомлено еще до заключения контракта. В отделе «К» существовали свои, нестандартные, правила внутренней службы.

В кармане требовательно завибрировал телефон. Катя шепотом выругалась, поставила пакет на тумбу и левой рукой выудила из кармана порядком ободранное средство связи.

– Чего?

– Счастлив слышать твой бодрый голос, – Александр Александрович говорил, как всегда, негромко. – Не в духе? Ты от конторы далеко?

– Виновата, на дисплей не глянула, – Катя слегка поубавила наглости в голосе, – вообще-то Сан Саныча, – майора, начальника отдела, она уважала. Хоть и начальство, но вполне нормальный мужик. – Случилось что?

– Срочно ко мне в распоряжение. Будь любезна, не задерживайся. Нас ждут.

– У меня сегодня выходной. Совершенно официальный, между прочим.

– Катерина, – Сан Саныч понизил голос, – тебе машину с посылным выслать? Официально тревогу объявить? Не дури. Когда будешь?

– Через двадцать минут. У нас, что, война с Папуа – Новой Гвинеей приключилась?

– Практически угадала. Не задерживайся, – начальник отдела отключился.

Катя удержалась от искушения плюнуть вниз, – под мостом как раз проплывал прогулочный теплоходик. Вот тебе и выходной. Опять неудобное кресло задницей шлифовать. Хотя, раз срочно вызывают... Что, собственно, стрястись могло? Никаких текущих операций

«К-акашка» сейчас не вел. Пара акций в стадии начальной разработки, до их воплощения еще далеко. Да и не дело старшего сержанта планы разрабатывать. Кому-то ведь нужно и сии гениальные прожекты в жизнь претворять, – вот для той последней стадии сержантов и откармливают.

Пакет с апельсинами Катя отдала дежурному на КПП.

– Уничтожить и доложить.

– Есть, товарищ старший сержант! – ефрейтор проводил девушку мечтательным взглядом. Сама товарищ старший сержант подозревала, что ее призрак ежевечерне вытворяет крайне неприличные вещи в воспаленном сознании истосковавшихся солдат-срочников.

Никакого ажиотажа в отделе «К» не наблюдалось. Программисты в комнате маршрутных вычислений бормотали на своем «птичьем» языке. Кабинет Полевого отдела был заперт. От лестницы, ведущей в полуподвал, доносился приглушенный стук костяшек домино, – прапорщики МТО бодрствовали на боевом посту.

Катя стукнула в дверь начальника отдела, заглянула:

– Я прибыла. Чего делать?

– Приведи себя в порядок и доложи, как положено, – сухо сказал Сан Саныч.

Катя задумчиво отправилась в туалет, вымыла руки. Липкий апельсиновый сок перестал клеить пальцы. Суров начальник. С чего бы это? В кабинете еще один тип расселся. Похоже не из армейских. Скорее всего, научник. Или из финансистов, – эти бухгалтеры, что в форме, что без формы, вечно вот такими тюфяками в очечках выглядят. Может, «боевые» за прошлую операцию начислили неправильно? Вот будет геморрой – копейки возвращай, объяснительные пиши.

– Товарищ майор, повашему приказанию старший сержант Мезина прибыла! – Катя попыталась щелкнуть кроссовками.

– Вольно, проходи.

Катя плюхнулась за стол напротив гостя. Круглолицый мужик подался вперед, откровенно оценивая скрывшиеся за крышкой стола бедра и приоткрытый коротким топином живот девушки:

– Хорошая у вас в отделе форма одежды. Не жарко, и воевать удобно.

– Прошу прощения, – сказала Катя. – У меня выходной, все портянки выстирала и развесила сушиться.

– Не суть важно, – поморщился Сан Саныч. – Сразу поближе к делу. Завтра Выход. На сборы и прокачку остается – 18 часов 26 минут. Реквизит получишь не у наших дармоедов, – специальный человек подъедет, шмотки привезет. Размеры твои знает, не вскидывайся. Жаль, волосы у тебя не отросли.

– Да, с прической очевидный прокол, – поцокал языком гость, – анахронизм, однако. Нехорошо.

Катя ткнула в сторону незнакомца подбородком и поинтересовалась у начальника отдела:

– Стилист? Я и смотрю, личность удивительно знакомая, я его рядом с Сергеем Зверевым в «ящике» видела. Автограф можно попросить?

Гость заржал, и сразу стало понятно, что никакой он не финансист. По-волчьему веселится дяденька, гогочет, холодных глаз не щуря.

– Пора вам познакомиться, – сказал Сан Саныч. – Катя, это Виктор Иванович. Майор смежной структуры. Поступаешь в его распоряжение. Задача – оказать техническое содействие в процессе Перехода. Товарищ майор со спецификой «кальки» знаком сугубо теоретически. У него первый Переход.

– Виновата, – Катя смущенно опустила длинные ресницы. – Кажись, я тоже как в первый раз пойду. Интересно-то, жуть как! Может, не будем завтраго ждать? Сейчас и подскочим? Я только посикать сбегаю, и Прыгнем.

– Катерина, иронию отставить, – тихо сказал начальник отдела. – У нас 18 часов. Языком трепать некогда.

– Ясно, товарищ майор! Мы по принципу лотереи работать начали? Куда? Зачем? Что за суета? Кого наверху диарея прошибла?

– Все вопросы к товарищу майору. Ты в его подчинении.

– Ой! – Катя осторожно потрогала свой живот. – Кажется, я нездорова. Ой, прямо стыдно сказать. Это по женской линии. Вы уж меня простите, придется в госпиталь ползти. Разрешите идти, в смысле – ползти, товарищ майор? Или вам поподробнее о недомогании изложить?

– Виктор Иванович, вы извините, я товарищу старшему сержанту наедине скажу несколько напутственных слов. У нас тут, знаете ли, свои обычаи.

– Понял. Я как раз хотел к вычислителям зайти, – догадливо поднялся гость.

– Кать, ты окончательно оборзела, – грустно сказал Сан Саныч. – Что ты меня позоришь? Я же сказал – смежники. Тебе самой по барабану, так об отделе подумай.

– Отделу я месячный оклад пожертвую. В качестве компенсации. Пусть Сашка нормальные клавиатуры для машин купит. Оклада как раз на клавиатуры хватит.

– Ну да, ты у нас девушка обеспеченная. И как все обеспеченные бабы – жуткая стерва. Что ты в бутылку лезешь?

– Я лезу?! Сан Саныч, мы здесь все малость с «приветом», но есть же границы разумного для самого неразумного. Куда я с этим псевдоблизоруким кабаном пойду? Я его в первый раз вижу. Час назад кушала апельсины и думала вечером, как белый человек, телевизор посмотреть. Я же не самоубийца – с каким-то психом куда попало Прыгать. Ты же сам понимаешь...

– Понимаю, – начальник отдела вертел в пальцах красивый, кем-то подаренный карандаш. – Теперь ты меня послушай. Приказ спущен с самого верху. Идете в начало двадцатых годов. Срочно. С коррекцией даты на уменьшение. Подробности только майор знает. Я его первый раз вижу. Замминистра сказал, что этот Виктор Иванович – профи. В своей епархии, разумеется. Ты Игоря Николаевича знаешь, он только то, в чем сам стопроцентно уверен, до подчиненных доводит. Я пытался вякать, но... Да, дурдом полный. Отказывайся. Валяй, имеешь полное право. Действительно, глупо идти. Ты же умная девушка. Ты у нас зачем служишь? Я забыл или ты запаматовала? А Игорь Николаевич помнит. Намекнул. Знаешь, что такое «аккордная работа»?

– Знаю. Я в этом клоповнике скоро сама начну дедовать и дембельский альбом фломастерами разрисовывать, – пробурчала Катрин. – Значит, если вернусь, в полном расчете будем? Контора горбатого мне не слепит?

– Контора – не знаю, а Игорь Николаевич «прокидывать» не станет. И ты, и я его знаем. Помощь тебе окажут, как обещали. Только ты, Кать, не дергайся сейчас. Обсудим, найдешь вежливые разумные аргументы. Только в бутылку не лезь. Вежливо, доходчиво, опираясь на опыт предыдущих операций. Я тебе серьезно говорю. Непросчитанная операция хуже всего, что можно придумать. Сгинете. Здесь даже варианты экстренной эвакуации не предусматриваются.

– Сан Саныч, ты уж определись, идти мне или не идти?

– Катерина, не будь душой. Как твой непосредственный начальник, я довел до тебя указание вышестоящего руководства немедленно поступить в распоряжение тов. майора. И никаких пререканий не потерплю. Как твой, хм, надеюсь, товарищ по службе, рекомендую

уклониться. Отправляться в командировку с непроверенными людьми, не отработав боевое слаживание, дело действительно неразумное. На медосмотре ты что угодно симулировать сможешь, я тебя знаю. С другой стороны, девушка ты рискованная, и «очки» загрести тебе необходимо. Ты же не за деньги и не из любви к приключениям здесь служишь. В общем, решать тебе самой.

– Блин, что тут решать?! Нанялась, так отработаю. Только этот майор мне ни в ..., ни в Красную Армию. Откуда его хрен принес?

– Смежник. Катя, я тебя убедительно прошу обойтись без мата, крика и прочей нецензурщины. У них в конторе не принято. Если мне за тебя выговор влепят, я как-нибудь переживу. Вот если отдел...

В дверь без стука просунулась крупная голова гостя, блеснула тонкими стеклами очков:

– Вы пошептались? Время поджигает.

– Да вы проходите, Виктор Иванович, – пригласил хозяин кабинета, – мы уже непосредственно к обсуждению деталей перешли.

– Это вы поспешили, – Виктор Иванович улыбнулся, продемонстрировав дорогие фальшивые зубы. – С деталями придется подождать. Екатерина Георгиевна все-таки решилась составить мне компанию?

– Приказ есть приказ, – пробурчала Катя, внимательнейшим образом разглядывая ногти.

– Замечательные, правильные слова! – восхитился гость. – Вы, Катюша, очаровательная девушка, я своего восхищения скрыть и не надеюсь, – Виктор Иванович уселся, взвизгнул ножками стула, поудобнее подвигаясь к столу, и ласково оглядел девушку. – Вы у нас нимфа, Диана-охотница.

– Тогда уж Геката, – поправила Катя, не отрываясь от созерцания ногтей.

– Ах да, вы же у нас почти дипломированный историк. Так вот, дорогая Катюша, кокетство вам идет, и выглядите вы восхитительно. Я, каюсь, вообще равнодушен к женскому обаянию. Но если Там вздумаешь взбрыкнуть, – на первый раз пальцы поломаю, потом... потом еще хуже сделаю. Я, милая барышня, давний фанатик дисциплины. И страшный зануда. Усекла?

– Угу. Я, товарищ майор, приказы выполнять умею. Безопасность вам обеспечу, – и Прыгнем и Выпрыгнем благополучно. Но уж позвольте сразу уточнить: во-первых, за попытку склонить к сексу, не мотивированному обстоятельствами, я вам сама пальцы переломаю. Во-вторых, Катюшей меня называть не нужно. Куда естественнее будет – Екатерина Георгиевна. Или по-домашнему – товарищ старший сержант. Усекли?

– Понятно, – гость без стеснения продолжал разглядывать девушку. – Предупреждали, да и твое личное дело я полистал. Впечатляет. Но это не беда, познакомимся, так сказать, в процессе. Кстати, если тебе прямо сейчас резко наскучит мое общество, – как будешь действовать? Если чисто теоретически?

Катя глянула исподлобья. Тронуть можно под столом – пяткой в колено, кроссовки мягкие, – сустав гостя уцелеет. Потом на стол животом, зацепить за галстук, и ножичек к кадыку. Только готов к такому повороту дяденька. Улыбается кобелина, но ноги подтянул, да и пузо поджалось, – видать, там не только обильный жирок пластует. Нет, номер не пройдет. Кроме грохота и разгрома казенной мебели, ничего путного из пробы сил не выйдет. Вот если бы по-взрослому...

– Если мне уж совсем приспичит, я попрошу разрешения выйти, – вяло сказала Катя. – Но вы, товарищ майор, не переживайте, меня почти и не тошнит уже.

– Вот как? – Куцая бровь Виктора Ивановича приподнялась в показном удивлении. – То есть глаза выдавить не попытаетесь, мошонку не раздавите и даже ножичком по горлу не чиркните?

– Стол жалко, – меланхолично заметила Катя. – Вот компьютер новый только-только поставили. Да и вообще, резать старших по званию – дурной тон.

– Ой, мысль-то какая правильная, – Виктор Иванович умильно заулыбался. – А ножичек-то нужно получше прятать, – не в школу ведь ходишь. Взрослеть пора, спортсменка.

На взгляд Кати, складной нож, закрепленный клипсой с внутренней стороны джинсов, и так был недурно укрыт от посторонних глаз. По крайней мере, до сих пор никто инструмент не замечал. Зоркий хряк этот товарищ смежник.

– Катерина, какой еще нож? – не выдержал Сан Саныч.

– Да какой такой нож? – обиделась девушка. – Мне что, и прибор для маникюра не носить? – из-за пояса джинсов появился крошечный предмет размером с указательный палец.

– Позвольте, – Виктор Иванович открыл нож, кинул взгляд на чуть изогнутое серрейтерное лезвие. – А ты, Катерина Георгиевна, дорогими игрушками себя балуешь.

– Что же мне, ржавыми гвоздями ногти чистить? – поинтересовалась Катя, глядя, как начальник отдела молча забирает нож и прячет в сейф. Вносить в отдел «К» что-то кроме ключей и мобильных телефонов категорически запрещалось целым ворохом инструкций. Кате стало немного стыдно.

– Лады, познакомились, – гость улыбался своими неприятно ровными зубами. – Ты, Катерина Георгиевна, теперь иди, отдыхай. Здесь у вас комнатка отдыха уютная, там и телевизор исправный имеется. Развлекайся просмотром новостей.

– Какие новости? Сейчас бразильский сериал начнется. Про любовфь. Я побегу. Инструктаж, как я понимаю, окончен?

– Детали уточним непосредственно перед отправкой, – ласково улыбнулся Виктор Иванович.

– Ты, майор, уж извини, что я вмешиваюсь, – Сан Саныч яростно ткнул карандаш в пластиковую пирамидку, – но вы что-то дружно в дурь прете. Я режим секретности оспаривать не собираюсь, но скрывать координаты от агента, контролирующего Прыжок, есть непосредственный и откровенный идиотизм. В нашем деле успех Перехода на две трети от компьютерного моделирования зависит. Еще треть – от интуиции агента. Тебе, Виктор Иванович, почему старшего сержанта выделили для сопровождения? Потому что у Катерины точность попадания 96,1 %. Это, хрен бы вас всех взял, лучший показатель за историю экспериментов. Перестаньте собачиться и театральную многозначительность разводить. Меньше суток до старта осталось. Что уж тут темнить? После старта Отдел мониторинг начнет вести. Всем личным составом узнаем вашу Точку с точностью до секунды.

– Да? – Виктор Иванович в сомнениях почесал подбородок. – Тут я что-то упустил. Вы на казарменном положении будете?

– Разве такой приказ был? – удивился начальник отдела. – У меня двенадцать человек вместе с хозяйственниками. Нам здесь сгнить, что ли? Может, пока не поздно, стартовую площадку и вычислительный центр полностью вашему ведомству передать? А мы с удовольствием в отпуск рванем.

– У нас нет специалистов, о чем вы прекрасно осведомлены, – напомнил гость. – Так что выполнять задание, как ни крути, совместно придется. Я, между нами говоря, тоже не в восторге. Для агента действительно имеет решающее значение точная адресация?

– У нас, знаете ли, чаще говорят «координаты», – Сан Саныч показал в сторону шкафов, плотно заставленных разноцветными скоросшивателями. – Извольте убедиться, здесь данные за последние шесть лет. Мы на интуиции работаем, уважаемый коллега. Это во времена застоя целый институт над нашими проблемами трудился. А сейчас какие уж плановые исследования и математические модели? Таксистами-кустарями работаем. Уж не

обессудьте, средств нужно было больше выделять. Хроноразведка и работа с «калькой» – это вам не построй новых фуражек выдумывать-вычерчивать.

– Согласен, – пробормотал Виктор Иванович. – Даст бог, после совместной операции что-то и с финансированием изменится. А сейчас нет времени препираться, – обстоятельства чрезвычайные. Значит, так, если мы все на территории отдела остаемся, утечка маловероятна. Товарищ сержант, ты телефончик сдать не забудешь?

Катя передала мобильник шефу и со скучающим видом подперла кулаком щеку.

– Итак, – Виктор Иванович откашлялся. – Место действия... э-э, Россия, в смысле, бывшая Российская империя. Граница с Украиной. 1919 год. Разгар Гражданской войны. Белые приходят – грабют, красные приходят – грабют. Хаос. Школьный учебник истории помните?

– В общих чертах, – сказал Сан Саныч, имеющий кроме звания майора ученую степень кандидата исторических наук. – Ты продолжай, продолжай...

– Наступление белых на центральные области Советской России. С юга, стало быть, они прут, – гость в некотором замешательстве почесал подбородок. – Деникин, Врангель, Корнилов, Буденный, Ворошилов...

– Не хочу тебя разочаровывать, но Корнилов, по-моему, был убит под Екатеринодаром в 18-м году, – осторожно заметил начальник отдела. – Или там «кальку» подправили?

– Нет, я Корнилова с Корчагиным перепутал, – признался Виктор Иванович. – Но «кальку» там действительно подредактировали. Ульянов, который Ленин, был убит. Удачное покушение. Как раз в начале нашего 19-го. Его какая-то тетка подстрелила. Стоп, – нет, тетка до этого покушения была. Вождя снайпер на митинге снял. Профессионально сработали. Был Ильич, и нет Ильича. Говорят, похороны потрясные отгрохали.

Катя кашлянула.

– Вы что, Катерина Георгиевна, товарища Ульянова-Ленина не знаете? – удивился гость.

– Знаю. Дедушка такой. Здесь недалеко в хрустальном гробу выставлен, – Катя махнула в сторону закрытого жалюзи окна. – Вы, товарищ майор, ничего не путаете? Нам точно в 1919-й нужно? Может, в 1819-й? Там тоже интересно. Бонапарта можно с острова Святой Елены вытащить, к янкесам в тыл забросить. Пусть репу почешут.

– Ты, товарищ сержант, можешь иронизировать сколько угодно. Я не историк. В чем с прискорбием и сознаюсь. И в школе я давненько учился. Сегодня успел статью в энциклопедии на ходу проглядеть. С Наполеоном пусть сами лягушатники возятся. Кстати, тов. Ленина мы своими телами закрывать тоже не собираемся. Это пусть коммунисты на коммерческой основе подобную акцию заказывают. Тов. Бронштейн, он же предреввоенсовета Троцкий, опять же без наших советов по модернизации республики обойдется. Политики мы не касаемся. Хрен знает, кто там был прав, а кто виноват. Мы не судьи. Задача наша проста и понятна – отыскать одного человечка и уберечь его от ненужных знакомств.

– Что за человечек? Уж не великая ли княжна Анастасия? – в некотором изумлении поинтересовался начальник отдела «К».

– Да ты, майор, романтик, – гость усмехнулся. – Нет, не княжна, и вообще отнюдь не прелестная невинная девица. Человечка этого вы не знаете. Он персона внеисторическая. Его в нашей линии вообще не существует.

– Так не бывает, – печально сказал Сан Саныч. – Персоналии в «кальках» полностью тождественны. Это аксиома.

– Не спорю. Но наши специалисты никакого документального подтверждения существования этого человечка в архивах не обнаружили. Не было его здесь, – гость посмотрел на Сан Саныча. – Умению специалистов нашего ведомства проводить следственно-розыскные мероприятия я привык доверять. А вы?

– Ваш человек мог в здешней «кальке» в малолетнем возрасте богу душу отдать, – сказала Катя. – Или чуть позже откинуться. Бардачок у нас в стране известный. От целых полков и воспоминания не остается.

– Справедливейшие слова, – Виктор Иванович многозначительно поднял толстый палец. – К счастью, в стране еще остались мудрые головы и пытливые умы. Они и шепнули, где пересечься с искомым нам человечком. Так что волноваться нам незачем.

– Мы этому человеку должны шею свернуть? – мрачно поинтересовалась Катя.

– Да зачем же так? Только побеседуем. Я побеседую. Ты, товарищ сержант, будешь окрестностями любоваться. Потом человек пойдет своей дорогой, а мы – оп! – домой. В этом вопросе крепко надеюсь на твою помощь, Катерина Георгиевна. Мне ваши хроноэксперименты – темный лес с волками.

– Мы подобные операции месяцами планируем. Агенты обстановку изучают, документы штудируют, легенду готовят, – пробормотал начальник отдела. – Ты, майор, думаешь, это как в Тверь на выходные прошвырнуться?

– Ни в коем случае! – запротестовал гость. – Я ваши сомнения всем сердцем понимаю и принимаю. Явился толстый невежественный мужик и в элитные агенты носорогом прет. Ну, не знаю я истории, и вашей физики-математики не знаю. Винюсь, по возвращению займусь самообразованием. А пока уж примите каков есть.

– А, собственно, почему... – интеллигентный Сан Саныч замялся.

– Почему я? А я там пройду. Мне что буденновцы, что марковцы или махновцы – все едино. Я политикой не интересуюсь. Я специалист по бардаку. Там ведь бардачок, сами сказали. Может быть, самый примечательный беспредел в истории нашей многострадальной страны. Правильно? Правильно. Вопросы еще имеются?

– Точное время и место?

– Катерина Георгиевна, оно вам так надо? Ну, хорошо. Лето 1919 года. Северо-Восточная Украина. Точнее скажу перед самым отбытием. Не из вредности, – имею прямой приказ.

– Ориентировочный срок выполнения задания?

– От трех до семи дней. Каждый день – удвоенные «боевые». Слово даю, получите все до копейки.

– Легенда? Без легенды и без прикрытия мы при первом контакте засыплемся.

– Кто сказал, что идем без легенды и без прикрытия? Все будет: оружие, деньги, документы, свежайшие данные по оперативной обстановке. Придем и возьмем как на блюдечке. И легенда имеется. В общих чертах, ты, Катерина Георгиевна, моя боевая подруга, она же маруха, киска, фрея. Любящая. Преданная, аки кошка. Понимаю, что выглядит мезальянсом, но где такой красавице истинно достойного партнера подыскать? Ван Даммы и прочие Брэды Питты у нас не служат. Зато будешь одета, сыта. Никаких портянок, чирьев, вшей и прочих ужасов военного коммунизма. По легенде мы не из безлошадных селян и голодающих пролетариев. Подробности позже.

– Цель. Он кто?

– Без комментариев.

– Маршрут? Город или село?

– Начнем с города. Подробности позже.

– Ориентиры? Без них угодим прямо в ж...

– Ориентиры будут. Фото- и видеоматериалы. Мои личные впечатления. Я в точке прибытия побывал вчера. Перед Прыжком изложу любые подробности. Поправку на последние девяносто лет сама сделаешь. Устроит?

– Цель – тот человек – он под охраной?

– Без комментариев.

– Почему такая спешка?

Виктор Иванович поцокал языком:

– Уж не знаю, как и сказать. Лишними подробностями грузить вас не хочется. Давайте скажем так – нас могут опередить.

Катя и Сан Саныч переглянулись:

– Конкуренты?

– Без комментариев.

Катя и Александр Александрович сидели в комнате отдыха, пили чай с лимонными вафлями.

– Нет, – вздохнул начальник, – уйду я. С моим желудком нужно занятие поспокойнее. Какая-нибудь рутинная научная работа. Буду раз в год статью в «Вестнике академии» публиковать, и фиг с ним. Что мне эта «калька»? С ней совсем с ума сойдешь.

– Ты, товарищ начальник, для начала с цитрусовыми вафлями завязывай. В них лимонной кислоты полно, не слишком-то для гастрита полезно. А из «кальки» ты не уйдешь. Тебе здесь интересно. Да и любишь ты былое вспомнить, из «нагана» на стрельбище побабахать. Этого тебе на гражданке точно не позволят.

– Ты, Катерина, вечно правду-матку в глаза режешь. Никакого воспитания. Смотри, прижмет тебя майор.

– Это точно, – согласилась девушка. – Полезет. Он по поводу баб слабоват. Собственно, ко мне все равно все лезут.

– Я к тебе ни разу не приставал, – обиделся начальник и взял еще вафлю.

– Ты правильный. У меня муж такой же был, – с грустью согласилась Катя. – Чего ж вас, нормальных людей, так мало? Просто свинство какое-то. Саныч, я тебе сувенирчик переправлю. Все равно в последний раз иду.

– Не вздумай рисковать, Катюшка! Собьете наводку, бог знает куда угодите. Не глупи. Вернешься, я тебя еще за ножичек в штанах взгрею. Как пацанка, игрушки таскаешь. Будто на тебя кто-то покуситься рискнет. Тебя уже и лица кавказской национальности на улице по дуге обходят. Кстати, ты смотри, с майором поаккуратнее. Он, похоже, крутой.

– Крутой, – согласилась девушка. – Грызться будем. Ну, мне ведь вернуться нужно, и ему тоже. Столкнемся как-нибудь.

Глава 2

Вся страна заботится теперь о Южном фронте. Нужно, чтобы командиры, комиссары, а вслед за ними красноармейцы, поняли, что уже сейчас на Южном фронте мы сильнее Деникина.

Л.Д. Троцкий. Из приказа от 16 июля

Ну и драпанули мы тогда.

Из воспоминаний П.Г. Звиренко, ветерана, заслуженного тренера РФ (К)

Выстрелы постукивали все ближе. Перестрелка, начавшаяся со стороны Основы, стала реже, но явно приблизилась к центру. Город притих, лишь над крышами кружились встревоженные голуби.

Пашка взвалил на повозку тяжеленные тиски. Гаврилыч возился, пытаясь распихать наваленные как попало катушки проволоки. Грузиться начали самовольно, без приказа. Два часа назад начальник оружейно-пулеметной мастерской бывший прапорщик Коваль ушел в штаб и как в воду канул. Дело все явственнее пахло керосином.

Старший мастер Граченко поправил очки, солидно кашлянул:

– Я до зв'язних схожу, подивлюсь що та як¹, – старик на диво резво зашаркал к воротам.

– Пашка, что ты рот раззявил? Ворона залетит, – рявкнул Гаврилыч. – Отворяй ворота.

– Мы ящики с крепежом еще не погрузили.

– Да хрен с ними. Инструмент собрали и ладно. Ворота отворяй. Пулей, говорю!

Пашка навалился на просевшую створку ворот. Улица была пуста. Даже собаки не лаяли. От реки, сквозь привычный запах тины, несло гарью. Сразу стало не по себе.

– Пошла шустрее, – Гаврилыч тряхнул вожжами. Белесая кобыла, давно списанная по старости лет в мастерскую, неохотно переступила копытами. Придурковатый Кирюшка подтолкнул повозку и неуклюже запрыгнул на катушки. Выкатили на пустынную улицу. Невдалеке снова начали палить из винтовок, – кажется, прямо на Николаевской площади. Гаврилыч заозирался и ближе придвинул свою «трехлинейку».

– Тронулись, тронулись. Пашка, брось ворота, найдется кому закрыть. Судя по всему, поспешать нам нужно.

– А Граченко? Ждать не будем?

– Да дед уже у себя в хате в подполе сидит. Старый пень, мать его, революционный подпольщик.

За площадью торопливо застучали выстрелы. Грохнуло громче.

– Вот бес бы их взял, из «маузера» сядят, да еще бомбами. Говорил я, еще утром в хозроту нужно было идти. Влипли, мать его.

– Может, ловят кого, – предположил Пашка, шагая рядом с повозкой. – Объявляли же, что шпионов в городе полно. Во все щели лезут.

– Деникин к нам сам-сам пролез, гы, – заухмылялся Кирюшка, ощупывая свой пухлый вещмешок.

Пашка с досадой вспомнил, что забыл захватить спрятанные в поленнице куски мыла, завернутые в новые портянки. Вот черт, на рынок так и не успел смотаться.

– Вам бы, соплякам, только зубы скалить, – пробормотал Гаврилыч, снял фуражку, задумчиво посмотрел на красную звезду на околыше, вытер потную лысину и решительно

¹ Я к связным схожу, посмотрю что и как (укр.).

нахлобучил фуражку на место. – Зря мы столько катушек проволоки навалили – тяжело драпать будет.

– Чего там драпать? – удивился Пашка. – Отойдем к роте, обстановку проясним. Нечего панику разводить.

– Панику... Дал бог сопляков в команду. Учить меня еще будешь. Или не слышишь, беляки уже в городе.

Пашка прислушался к отдаленному треску пулемета. Кажется, целую ленту вмах высадили.

– Так это на окраине, – неуверенно возразил Пашка. – Деникинцы щель ищут. Город-то крепостью объявили. Наши настороже стоят со всех флангов.

– Флангов... Стратег драный. Крепостью как заявили, так и взад раззаявят, – Гаврилыч щелкнул затвором, проверяя патронник. – Как бы по нам из окна не пальнул офицерик какой. Много их здесь пригрелось, сучьих фон-баронов.

Посерьезневший Кирюшка вытащил из брезентовой кобуры свой громадный «смит-вессон». Пашка посмотрел с завистью, – «смит-вессон» оружие, конечно, не сильно боевое, зато рукоять у револьвера славная – сам деревянные «щечки» полировал.

У самого Пашки оружия не имелось. Сволочь Коваль по своей старорежимной подлости не соизволил выдать. «Несовершеннолетний, не положено, в штате не состоишь». Подумаешь, в штате. Приписанным при мастерской Пашка действительно меньше месяца числился. Но до этого почти месяц у телефонистов служил. Могли бы винтарь и выделить. Полноценный паек, что получал, оно, конечно, тоже неплохо. Ладно, полк в бой пойдет, сразу оружие появится.

Кобыла довольно шустро перебирала копытами, кляча клячей, но тоже неладное учуяла. Пулемет захлебывался без пауз, вот только посреди улицы не разберешь, где именно воюют, – дома мешают.

– Вот черти, – пробормотал Гаврилыч, – таки опять забыли про нас. Как машинки чинить, так даешь до победного конца, в ночь за полночь без разницы. Под Лозовой и батареею бросили, и половину пулеметов. Опять, небось, один товарищ комиссар со своей сабелюкой к начдиву на глаза заявится. «Дезззертиры-преедатели, так их растак!»

– Ты подгоняй, подгоняй, – зашептал Кирюшка, сжимая револьвер, – смотри, как чума прошла. Вымер город.

– Куда подгоняй?! – Гаврилыч длинно выmaterился. – Слышишь? Уже у Пензенских казарм постреливают. Видать, полк-то ушел.

Повозка остановилась на Рымарской. Трое красноармейцев с тревогой прислушивались. Кобыла с подозрением уставилась на крутой, мощный брусчаткой спуск.

– Вот что, – пробормотал Гаврилыч, – давайте в обход. В буржуйские кварталы соваться нечего. Пашка, ты у нас этот – спортсменец. Заскочи в штаб к начдиву, до ихнего особняка тут рукой подать. Узнай, куда рота делась, и мигом обратно. Мы по Рымарской пройдем и на углу ждать будем. Только не вошкайся. Дело серьезное.

– Раз дело серьезное – винтарь дайте.

– Я тебе сейчас пендаля дам, – долетишь мигом. Я тебя не в атаку посылаю, а за указаниями. Винтовка тебе сейчас как барану дышло. Жарь быстрей!

– Вы уж меня тогда ждите, – мрачно потребовал Пашка.

– Мыждемся, не трясись. Только бегом давай!

Пашка запрыгал вверх по широким ступенькам. Туда пойдешь, то притащи, это оттащи. Одной воды за день натаскаешься – кита утопить можно. Плохо, когда тебе пятнадцать лет и тебя каждый, кому не лень, припахать норовит. Зато хорошо, когда ты ловкий и тренируешься регулярно. «Спортсменец». Ха, вот почитал бы отсталый Гаврилыч хотя бы «Гимна-

стику Мюллера». Или «Сильнее и выше». Понял бы, какая в физкультуре польза. Пашка, когда малым был, еще до войны, в цирке выступление самого Ивана Поддубного видел. Тогда и понял – вот оно. Вот так мужчина должен выглядеть. Чтоб на бицепсе вчетвером висели, разогнуть не могли.

На подъеме Пашка взлетел мигом, рванул по Сумской. Стало жарко, держать локти, как на картинках в «Великой Олимпиаде», парень перестал, бежал как удобнее. Суконная фуражка зажата в кулаке. Старался старыми сапогами по брусчатке шибко не топтать. Слушал, – сейчас густо палили за мостом. И правда, натуральный бой. Вот тебе и неприступная пролетарская крепость.

Свернув в переулок, Пашка сразу понял, что у штаба пусто. Посреди мостовой валялась шинель, на тротуаре ветерок перелистывал брошенные бумаги. Стоял ящик из-под патронов, сами патроны россыпью валялись вокруг. Пашка растерянно остановился. Недавно рассказывали, как начдив за брошенную обойму лично расстрелял взводного из 3-го батальона. А здесь целый ящик. Или они нарочно? Засаду оставили?

Кованые ворота нараспашку. Пашка осторожно вошел. У дверей особняка стояла новенькая двуколка, в ней грудой валялись связки бумаг. Упряжь, брошенная прямо на землю. Часового нет. Пулемет, что вечно выглядывал тупым рылом из окна, исчез. Ушли. Нужно Гаврилычу срочно доложить.

Пашка повернулся к воротам и тут расслышал тихую музыку. Задрал голову. Из распахнутого окна третьего этажа нарядного барского дома, стоящего напротив штаба, доносился женский голос, что-то с томным придыханием выводящий на непонятном языке. Должно быть, по-французски. Граммофон. Ага, значит, есть кто живой. Штабные вояки скорее пулемет бросят, чем граммофон забудут.

Деловым шагом направляясь к дверям подъезда, Пашка соображал. Здесь вроде бы сам начдив с начштаба квартировал. У двери вечно часовой топтался. Вон как все вокруг шелухой семечек заплывано. Может, штаб ближе к бою выдвинулся, а здесь для охраны барахла хлопцев оставили? Да нет, уж больно тихо. Кстати, на обратном пути нужно будет шинель прихватить. Каптенармус Пашке совсем худую выдал – прямо между лопаток дыра с рыжим пятном, смотреть жутко. Ладно еще сейчас лето, а осенью как в такой шинели позориться?

В подъезде было прохладно. Пашка с уважением посмотрел на мраморные ступени, на завитушки перил. Буржуи, конечно, эксплуататоры, но художников и архитекторов выучивают на славу. Музыка сверху доносилась как-то глухо, точно из гроба. Снова стало не по себе. Надо бы быстрее к Гаврилычу вернуться. Ждут уже, наверное. Пашка нащупал в кармане шаровар рукоять большой отвертки. Надежный инструмент, еще отец ковал. На все случаи жизни подходит, и вместо стилета вполне годится.

На лестничной площадке пришлось протискиваться мимо штабеля каких-то ящиков. Пашка преодолел искушение поддеть отверткой крышку и любопытствовать. Застукают, некрасиво получится.

За приоткрытой дверью все мурлыкала нерусская женщина. Потрескивал, шипел граммофон. Пашка осторожно поинтересовался:

– Есть кто, товарищи? Я из хоззвода, насчет приказа интересуюсь.

Парижская баба продолжала выводить свое непонятное, а в остальном царила полная тишина. Пашка на всякий случай присел – еще выдадут залпом прямо в грудь – и толкнул дверь. Огромная прихожая была пуста, пахло вином, керосиновой копотью и еще чем-то сладким.

– Товарищи, есть кто живой?

В тишине Пашка сделал несколько бодрых шагов, разглядел блеск на вешалке. Ого, шашка! Мудреная какая-то, на мушкетерскую шпагу похожа. Рукоять на ощупь показалась